

IVO POSPÍŠIL

Masarykova univerzita (Brno)

ПРАВДА И ЛОЖЬ МЕМУАРОВ

The truth and the lies in memoirs prose

The author of the present study deals with the contemporary state of memoir literature based on the analysis of some recent Czech and Slovak memoirs. The problem of contemporary memoir texts is connected with the position of the memoirist in the society, his courage and openness. In the past the author dealt with the chronicle and the novel-chronicle and with the whole layer of genres situated on the boundary of fiction and nonfiction (diary, essay, reportage, column, memoirs etc.). His typology of the memoir literature is based on the three-level structure (theme, structure and genre, narrative strategy). He prefers to call contemporary memoir literature because its structure is very heterogeneous, and the fear of the memoirist, his anxiety and aversion to express too radical views lead to soft focus, uncertainty, evasiveness, the lack of clear opinions – there are the characteristic features of contemporary memoir literature as a reflection of the state of the world and the man of the second decade of the 21 century. These features are being demonstrated at the works written by Czech and Slovak writers, significant personalities of culture, politicians, artists etc. The postmodernist understanding of virtuality and uncertainty, ambivalence of the truth and the lie reflect the pressure of contemporary world as rationally inexplicable and generally incomprehensible in the sense of the knowledge of the principles of its construction and functioning which is associated with the problem of the evident and hidden power. In such a world the human being feels alone and lost.

Keywords: Memoirs, memoir literature, memoirist, boundary genres, soft focus, uncertainty, evasiveness, the lack of clear opinion

Есть исторические периоды, в которых волны мемуаров усиливаются. Это связано с общественными изменениями, историческими срывами, перерывами, политическими катаклизмами или переходными, транзитивными периодами, связанными с напряженным ожиданием новых явлений, режимов, общественных систем. Речь идет об исторической, личной или генерационной расплате, оценке прошлого и, разумеется, месте мемуариста в истории.

С жанрологической/генологической точки зрения мемуары относятся к группе литературных жанров, которые находятся на грани публицистики, т. е. эстетически иррелевантной литературы, и изящной словесности, *belles lettres*, т. е. художественно значимой литературы. К этим жанрам принадлежат, между прочим, эссе, репортаж, фельетон, колонка, светская хроника, романическая хроника, биография и автобиография и весь пласт литературы факта, т. е. документальной прозы. В этой зоне все жанры и внутри них отдельные элементы движутся сиюминутно от одного полюса к другому: в одном превалируют эстетически значимые факторы, в другом скорее общепознавательные, без эстетических амбиций.

В давнем прошлом, т. е. примерно 35 лет назад, я систематически занялся проблематикой хроники и романа-хроники или романической или же романной хроники в русской литературе и в общем масштабе. Публикационным выходом были десятки статей, две книги, специально посвященные разным жанровым формам существования хроники, и отдельные главы или пассажи в книгах, посвященных другим, более широким или близким темам.

В наших двух книгах, посвященных специально роману-хронике, в особенности в *Лабиринте хроники*, который носит более общий характер, приводится основная типология хроники и связи с другими пограничными жанрами. Типология основана на концепции противопоставления метода и жанра, которые переплетаются таким образом, что материал жанра на определенной стадии развития ликвидирует метод, который изменяется, изменяя одновременно и саму сущность жанра, т. е. трансформируясь в другую жанровую форму. В связи с такими критериями мы пришли к типологии хроники на эмбриональную, т. е. древнюю хронику античного времени и средневековья, романизованную хронику, т. е. эмбриональную хронику, обогащенную замкнутыми историями, роман-хронику, т. е. жанровый гибрид в форме романа с временно последовательной организацией сюжета, и хроникализированный роман, в котором хроника присутствует только некоторыми элементами и не имеет решающего влияния на построение жанра как такового. Хроника как стержневой жанр в нашей концепции очутилась, таким образом, в передаче комплекса разных жанров, начиная с мифа и кончая публицистическими формами. В связи с развитием хроники и романа

речь идет о сплочении методологии и терминологии: кроме романа встречаются такие термины как история или новелла в смысле романа. Строение такого жанрового комплекса усложняется и „оли-тературированием истории или историографии“, т. е. переплетением жанров научных и эстетически значимых.

Очень близко к хроникальным конструкциям стоят именно мемуары, у которых своя типология, экспансивно развивающаяся, – к ней мы еще в дальнейшем вернемся. Тогда мы исходили из тезиса, что мемуары и хроника связаны еще с давнего прошлого тесными узами, и что внутри широко понимаемых мемуаров виднеется гибкий предел, образующий щели, через которые пробивается хроника, идущая насквозь, поперек разных типов мемуарной литературы. Разумеется, что жанров „на грани“ больше, включая биографический и автобиографический роман; сплочение мемуаров как индивидуалистического жанра и хроники как объективистской жанровой формы происходит через повествователя: цель – внедрить в призму индивидуалистического повествования объективную точку зрения извне, или, наоборот, в объективирующий поток повествования – индивидуальный отпечаток.

То, что сейчас наблюдается в сфере литературных жанров – это, прежде всего, кризис их исследования в рамках традиционной поэтики или генологии/жанрологии, о чем мы не раз писали в отдельных книгах и журнальных статьях¹. Но, кроме того, это и авто-

¹ См. наши книги и статьи, охватывающие примерно 35 лет: *Barokní literatura z pohledu komparativně genologické slavistiky. K barokologickým studiím Milana Kopeckého*. Slavia 1998, roč. 67, seš. 3, s. 349-356. Брненская школа литературной компаративистики и генологии/жанрологии и ареальное изучение славистики: ее истоки в контекстуальных связях. In: *Izučavanje slovenskih jezika, književnosti i kultura kao inoslovenskih i stranich*. Red. Bogoljub Stanković. Beograd: MAPRJAL, Slavističko društvo Srbije, 2008, s. 278-293. *Genologické pojmy a žánrové hranice (problém tzv. románové kroniky)*. Slavia 1981, seš. 3-4, s. 381-389. *Genologie - výhledy a úskalí*. Čs. rusistika 1981, č. 2, s. 66-69. *Genologie a proměny literatury*. Brno 1998. *Genologie a žánrovost*. In: *Významové a výrazové přeměny v umění 20. století*. Prešov: FF Prešovské univerzity 2005, s. 111-131. *Historicitá a žánrovost*. F. M. Dostojevskij a komparatisticko-genologický aspekt. In: *Genologické a medziliterárne štúdie. Priesečníky umenia a vedy*. Prešov: Acta facultatis philosophicae Universitatis Prešovensis. Literárnovedný zborník 22, zostavila: Viera Žemberová, Filozofická fakulta Prešovskej univerzity, 2009, s. 56-72. Ключевые проблемы современной генологии и концепция „жанрового объема“. In: *Litteraria Humanitas - genologické studie I.*, Brno: Masarykova

матизация восприятия жанровых сдвигов, которые наблюдаются изредка, но воспринимаются как само собой разумеющееся в качестве автоматизированных подходов к литературному артефакту. Это касается прежде всего пограничных жанров, т. е. стоящих на границе,

univerzita, 1990, s. 47-58. *Labyrint kroniky. Pokus o teoretické vymezení žánru*. Brno: Blok, 1986. Místo genologie dnes: nové problémy. In: *Genologické a meziliterárne štúdie 1*. Prešov: Acta facultatis philosophicae Universitatis Prešovensis. Literárnovedný zborník 29, zostavila: Viera Žemberová, Filozofická fakulta Prešovskej univerzity, 2009, s. 5-17. *Pragnienie ścisłości i historyzmu: nauka o literaturze w atmosferze postmodernizmu*. Teksty drugie 2002, 4, s. 195-201. *Problém genologických koncepcí*. Slovenská literatúra 1988, č. 4, s. 298-313. Problémy a souvislosti současné genologie. *Studia Moravica II*. Olomouc: Acta Universitatis Palackianae Olomucensis, Facultas Philosophica, Moravica 2, Universitas Palackého v Olomouci, 2004, s. 29-46. *Rozpětí žánru*. Brno: Sprint Print, 1992. *Ruská románová kronika*. Brno: Masarykova univerzita, 1983. *Ruský román znovu navštívený. Historie, uzlové body vývoje, teorie a mezinárodní souvislosti: Od počátků k výhledu do současnosti*. Ed.: Jaroslav Malina, obálka, grafická a typografická úprava Josef Zeman – Tomáš Mořkovský, Martin Čuta, ilustrace Boris Jirků. Brno: Nadace Universitas, Edice Scientia, Akademické nakladatelství CERM, Nakladatelství a vydavatelství NAUMA, 2005. *Ruský román. Nástin utváření žánru do konce 19. století*. Brno: Masarykova univerzita, 1998. Slovenský literárnovedný trojúhelník: komparatistika – genologie – translatologie. In: *Brněnská slovakistika a česko-slovenské vztahy*. Editor: Ivo Pospíšil. Brno: Masarykova univerzita, Filozofická fakulta, 1998, s. 45-58. Some Episodes from the History of Czech Slavonic Literary Studies in the Context of Contemporary Thought. In: *Z zagadnień literatury, kultury i języka. Studia ofiarowane Profesorowi Edwardowi Możejce*. Pod redakcją Bożeny Tokarz. Katowice: Śląsk, 2002, s. 151-161. *Studie o literárnych smerech a žánrech*. Banská Bystrica: Katedra slovanských jazykov, Filologická fakulta, Univerzita Mateja Bela, 2004. *V. G. Bělinskij a genologické aspekty literární kritiky*. Slavica Slovaca 1988, s. 132-137. *Žánrová pátrání po „nové autenticitě“: souvislosti a dvě slovenské cesty*. In: *Genologické a meziliterárne štúdie. Genologické konfrontácie*. Red. Viera Žemberová. Prešov: Acta Universitatis Prešovensis, 2012, s. 5-24. *Žánrové metamorfózy v stredoevropském kontextu, sv. I*. (spoluautor Libor Pavera). Brno: Istenis, 2003 (*Na úvod*, spolu s Liborem Paverou, studie *Literární žánry a genologie: jistoty a hledání*, s. 8-36, *Kronika*, s. 47-52, *Cestopis jako faktor dynamizace, pohybu poetiky a žánrových systémů*, s. 70-79). *Genologie a já*. In: Libor Pavera a kol.: *Žánrové metamorfózy v stredoevropském kontextu. Metamorfózy gatunków w kontekście środkowoeuropejskim*. Sv. V. Verbum, Praha 2011, s. 8-24. *Literární genologie*. Brno: Masarykova univerzita, 2014, 118 s. *Věda v čase všeobecného stmívání: k současné genologii, účelové paměti a moci ve vědě*. In: *Z dějin literární vědy: metody a přístupy*. Editoři: Ivo Pospíšil, Miloš Zelenka. Rec.: Jiří Fiala, Tibor Žilka. Brno: Literárnovedná společnost, o. s., Tribun EU, 2014, s. 35-53.; také in: *Když se nevyčásí aneb Stmívání*. Brno 2015, s. 230-241. *Genologie mezi módou, konjunkturou, stmíváním a nadějí*. Slavica Litteraria 2015, č. 2, c. 5-15.

на грани, в пограничной области эстетически иррелевантных и релевантных жанров. Типичным примером могут служить именно мемуары, или же мемуарная литература. Не следует заниматься здесь научной литературой о мемуарах. Когда-то в 80-е годы 20 века я опирался на известные тогда произведения из доступной нам сферы познания, в том числе в определенной ограниченной области на исследования Д. Тржештика, М. Копецкого, Я. Тржынадлѣвского, В. Кардина, В. Валека, М. Заградки, А. Багина, И. Кусого и других (Třešník 1968, Kopecký 1980, Trzynadlowski, Kardin 1961, Válek 1984, Bagin 1977, Kusý 1972, 1979, *The Writing of History* 1978); я уверен, что в основном ничего принципиально нового в теории мемуарной литературы с тех пор не появилось, и что упомянутые произведения до сих пор сохранили свою научную значимость.

Как и в случае хроникальных жанров, в том числе романа-хроники или романизированной хроники, так и у мемуаров их бытие тесно связано с общественной обстановкой. Их число возрастает в периоды завершения определённого этапа общественного развития или определенной общественной системы, т. е. мемуары, как и хроникальные жанровые формы, обычно встречаются на границе эпох как своего рода остановка и резюмирование прошлого, возвращение, зачастую ностальгическое, или же отрицательное в смысле оценки прошлого. Движение внутри жанровой структуры проходит от документальной публицистики, т. е. литературы факта, к беллетризованным жанровым формам романизированного типа, в область, где отношение правды и лжи или вымысла меняется, где большие шансы получает именно стилизация, разные условные жанровые формы. Наиболее частым типом мемуаров является компромиссная структура с документальной основой и внутренними беллетристическими пластами, которые придают повествованию эстетические измерения, не теряя документальной значимости. Важнее всего то, что несмотря на меру беллетристической стилизации мемуаров, они никогда полностью не теряют отношения к внеэстетической правдивости исторического типа, т. е. документальности, хотя с индивидуальным преломлением. В этом случае обретает смысл выражение „правда и ложь мемуаров”.

Кажется, верно утверждение, что нельзя писать правдивые мемуары, не только в смысле их субъективной основы как инди-

видуального видения мира, но и по причине страха перед ненавистью и мстостью изображенных лиц, перед судом, перед слишком интимным обнаружением личной жизни выступающих лиц и самого автора. В некоторых случаях особенно опасны разные политические коннотации. Разумеется, что мемуары зачастую выдают тайны жизни мемуариста и подспудно и его взгляды (Jeřábek 1961, 2000, 2008).

Именно современность, т. е. период на рубеже 20 и 21 веков, является временем ожидания больших коренных изменений во всем мире. С одной стороны, происходит ностальгическое резюмирование событий конца 20 века в связи с ликвидацией социалистической системы, содружества соцстран, СССР и его сателлитов, конца холодной войны, в которой, как некоторые утверждают, победил капитализм, между тем как другие думают, что нельзя говорить об однозначном победителе. Хотя сначала казалось, что во всем мире наступает почти идиллическое бесконфликтное время, события 90-х годов прошлого века и последующий период скорее показали не только новые кризисные явления, но, откровенно говоря, и роковые перевороты. Мир привели в движение подспудные течения. Мемуары в странах Центральной и Восточной Европы, с одной стороны, ностальгически оглядываются в прошлое, резюмируя развитие вплоть до конца 80-х годов, или описывают события 90-х годов прошлого века, т. е. время обновления капитализма, приватизации, конфликтов и экономических интересов, усиливающейся коррупции – и среди всего этого – судьбы отдельных персонажей.

После 1989 года появились мемуары, в которых выражались запрещенные ранее идеи и темы, связанные с преступлениями коммунистических режимов, позже оценки и взгляды смягчились, релятивизируя историю как таковую в смысле непрестанной борьбы большой истории и маленького человека.

Мемуары классифицируются по разным критериям. Мы в этом случае прибегли к трехступенчатой типологии, а именно: по тематическому диапазону, по структурно-жанровым признакам и по нарративно-стратегическим аспектам. В современной литературе встречается сравнительно много мемуаров, которые я предлагаю называть скорее мемуарными текстами, так как они синтезируют признаки нескольких жанровых пластов. Это, наверное, связано и с коренным вопросом о правде и лжи мемуаров как таковых.

Общепринятым является тезис, согласно которому лучше мемуары не писать, так как нельзя достигнуть их исторической правдивости. Это дано их внутренним строением, а также известными внешними факторами, давлением общественной и политической ситуации на автора, которое приводит к тому, что мемуарист слишком сильно старается избегать конфликтов, судебных дел, вообще того, что могло бы ему повредить, например, в быту, в профессии и т.д., как мы об этом писали выше. В современном обществе такие опасения вполне оправданы, так как человек больше, чем когда-либо в прошлом, является лишь игрушкой подспудно и потаенно правящих сил, которые нельзя точно идентифицировать. Так что сейчас угрожает всё всему и все всем. Некоторые думают, что именно этот факт является первопричиной того, что такое долгое время не было войны, и что постоянно ожидается третья мировая, хотя на самом деле она давно уже происходит, только мало кто ее замечает. Это, с другой стороны, пожалуй, наиболее показательный успех скрытых правителей мира сего.

Несмотря на приведенные рассуждения, которые могут считаться предубеждениями и, может быть, даже сумасшествием, отражающим так называемые конспиративные теории, страх перед последствиями мемуарных сообщений является, за исключением немногих случаев, доминирующим фактором современности, именно по сравнению с прошлым. Слово, которое точно выражает поиски выхода из тяжелой обстановки страха перед преследованием за приведенные факты и взгляды, чаще всего „уравновешенность”.

Я уже не раз о нем писал, в последнее время в книге эссе, статей, глосс и комментариев *Когда не разгуляется* или *Сумерки* (на чешском языке):

Среди историков и политологов, может быть, и в других науках, которые занимаются синхронно и диахронно обществом, распространился журналистский термин „уравновешенность“, т. е. стремление не выражать экстремистские, крайние взгляды или по крайней мере такие, которые крайними считаются в доминирующих средствах массовой коммуникации как реализация стратегии упомянутых скрытых правящих кругов. То есть ни рыба, ни рак, ни к селу, ни к городу. [...] На практике никакой уравновешенности нет, чаще всего это скорее удар по столу, Партия умеренного прогресса в пределах закона (намек на Я. Гашека), оксюморон. Так называемый

экстремизм также условен по времени: часто экстремистским сегодня кажется то, что завтра будет нормальным, и наоборот. Наверное, австро-венгерские борцы за равное и всеобщее избирательное право в 1907 г. могли бы считаться экстремистами, подобно борцам за избирательное право женщин в других странах: теперь это, например, тот, кто вместо «афроамериканец» говорит «негр» или «чернокожий» (Pospíšil 2015, s. 100).

То, что характеризует современные мемуары и что тесно связано с вопросом об их правде и лжи – это их гетерогенность, их завуалирование: современные мемуары страдают зачастую недостатком смелости, именно крайних взглядов, дефицитом выразительной индивидуальности, перестраховкой и оценочной посредственностью. Мемуары, таким образом, представляют собой лакмусовую бумажку этой тяжелой болезни нашей эпохи. Почему? Того, кто превышает посредственность, обычно ликвидируют. Достаточно только посмотреть сегодня на официальные государственные должностные лица европейских государств и сравнить с прошлыми десятилетиями – даже несмотря на изменения режимов и политических систем, число настоящих личностей ранее преобладало над необразованными или поверхностно образованными, пребывающими в ладу со всеми, что у сильных личностей невозможно; например, и внутри так называемых советских сателлитов очевиден процесс, демонстрирующий, что к концу 80-х годов обстановка – по сравнению с прошлым – ухудшается, не говоря о 60-х годах 20 века.

Мемуары выступают зачастую в скрытой и завуалированной жанровой форме, в нарративных масках, в которых собственные авторские взгляды мемуаристов спрятаны под пластом других высказываний, мета- или же метаметатекстов; все подается косвенным образом.

Размытость, расфокусирование, неуверенность, эвфемистичность, уклончивость, что тесным образом связано с неохотой ясно разграничить – хотя бы остро субъективно – правду и ложь и попыткой релятивизировать их – это все признаки современного этапа развития мемуарной литературы и мемуарных жанров как таковых как выражения ситуации общества и человека второго десятилетия 21 века.

В дальнейшем будут упоминаться авторы и избранные произведения чешской и словацкой литературы – мемуары последнего

времени – только в качестве обзора и основной типологии, которая будет верифицировать выше приведенные характеристики современных мемуаров по отношению к вопросу об их правде и лжи.

Если примером более или менее современных мемуаров, относящихся к второй половине 20 века, можно считать известные мемуары чешского специалиста по романским литературам, литературного критика и издателя славного „Критического месячника” (*Kritický měsíčník*), подписанта Харты 77, то можно лишь добавить, что это типичные мемуары „angru old man”, разгневанного интеллектуала Вацлава Черного (1905-1987). Они – плоды „драконового посева” – представляют собой классическую мемуарную структуру, т. е. анализ судьбы человека в давлении исторического времени, причем текст насыщен выразительными характеристиками разных общеизвестных лиц, по крайней мере в чешской среде (Šterný 1992, 1994). *Мемуары* были бескомпромиссны в своих оценках и, следовательно, вызывали еще при жизни автора противоположные реакции за границей бывшей Чехословакии (здесь могли официально издаваться лишь после 1989 года). В нашей рабочей схеме *Мемуары* В. Черного будут считаться классическими, индивидуалистическими в качестве отражающей поверхности современных мемуаров, охарактеризованных выше.

Примером современного варианта классических мемуаров могут служить мемуары Ладислава Штайдла, известного чешского композитора, представителя „среднего течения“ чешской популярной музыки 60-80-х годов 20 века (Štáidl 2003, Pospíšil 2006, 237-250). Его мемуары представляют своего рода его жизненный баланс. Важно и то, что они занимают только мало эксплуатируемый период чехословацкой нормализации (1970-1989). Важно и то, что мемуары сопровождает вводная статья известного чешского писателя Арношта Лустига – причина этого содержится, наверное, в их общем еврейском происхождении, а также в том, что Лустиг считал мемуары удачными и с художественной точки зрения. Отсюда происходит и иронический анекдот, который стал основой для названия мемуаров, т. е. то, что вино производят даже из винограда. Мемуары являются традиционной цепью разного рода историй, из которых вытекает главное поучение: каждое время приносит хорошее и плохое, живут в нем добрые и злые люди, нельзя ссылаться на неблагоприятные

условия. Искреннее изложение событий зачастую анекдотического характера, пронизывающая все ирония и самоирония и описание многочисленных любовных приключений автора придает мемуарам классический оттенок откровенности – автор пишет деликатно, сдержанно, но субъективно правдиво – хотя встречались и голоса, говорящие что-то о заявлениях в суд, но в итоге ничего страшного не случилось, – что только доказывает то, что смелость города берет, и что искренность является наилучшим советником. Единственной нарративной маской мемуариста остается, следовательно, ироническое расстояние, сдержанность и трезвость. Характерно и то, что так называемое коммунистическое прошлое он не видит схематично – это время, заполненное свежими инспирациями и человеческими судьбами. И среди сторонников режима и даже между тайными полицейскими он находит образованных и умных людей. Так сказать „за сценой“ находится убеждение в том, что мир управляется совсем иными правилами, чем обычно полагается, и что предлагается широкой публике. С этим связан и определенный сдержанный пессимизм и, может быть, легкий, но опять-таки субъективно правдивый цинизм мемуаров.

В виде исключения встречаются мемуары духовной жизни, скрытые под дневником читателя, как, например, в книге Антонина Гоштялка (Hošťálek 2015). Дневник представляет собой комментарии к прочитанным книгам в ситуации, когда очень мало людей читает книги в общем и беллетристику в особенности. Мало кто сейчас читает книги, еще меньше читателей пишет дневник, почти никто не публикует его, хотя это интересный визир в душу человека, в его жизнь и взгляды, – своего рода это нетрадиционный путеводитель по духовному складу автора. Неважно, что он читал и о чем, следовательно, пишет, важно то, каким образом он комментирует прочитанное. Отношение правды и лжи зависит от внутренней правдивости изложения – оно вполне субъективно.

Особый вид мемуаров образуют воспоминания политических лиц или людей, которые стояли близко к важным событиям политической и культурной жизни. Таковы, например, мемуары Ярославы Вондрачковой (Vondráčková 2014) об известном писателе и переводчике с русского языка Йиржи Вейле (Jiří Weil, 1900-1959), который одним из первых критически увидел сталинский Советский Союз как

убежденный коммунист в романе *Москва-граница*, хотя, как показали последние исследования, замысел был сначала совсем другим; скорее речь шла не о развенчании сталинского СССР, но о реалистической картине страны. На самом деле, это воспоминания о жизни чехословацкого левого авангарда и о салонных коммунистах первой Чехословацкой Республики, о людях смелых, с независимыми политическими взглядами, людях, у которых были разные пути и иногда совсем противоположные судьбы, какими были Владислав Ванчура, Марие Майерова, Милена Есенска, любовница Франца Кафки, Юлиус Фучик и другие.

Именно в этом тексте видно, что классификация или типология мемуаров вытекает также из нарративной стратегии. В некоторых мемуарах речь идет, главным образом, об изображении среды и людей, в других это скорее автобиография мемуариста, темой является особый эгоцентризм автора – все сосредоточивается на нем и на его проблемах и страданиях. Таковы мемуары словацкого литературоведа Юлиуса Вановича (Vanovič 2014); недаром он их называет анти-мемуарами. Автор, который постепенно утвердился как литературный критик, историк и теоретик в течение 60-х годов 20 века, теряет свою позицию после инвазии пяти стран Варшавского договора во главе с СССР в августе 1968 г. в годы так называемой консолидации, или как наши журналисты любят писать, нормализации. Его мемуары, сосредоточенные вокруг персоны самого мемуариста, являются одновременно картиной культурной и политической жизни Словакии и Чехословакии с 50-х по 60-е годы 20 века. Особо интересна связь автора с упомянутым Вацлавом Черным, о котором он написал монографию, и который повлиял и на особую тональность его мемуаров, т. е. их функциональный эгоцентризм, четко выраженную точку зрения, что касается и строгих оценок некоторых выступающих лиц. Они оцениваются, что подтверждает их сильный субъективизм, по отношению к лицу мемуариста; некоторые лица оцениваются – поразительно по сравнению с другими оценками – положительно, другие – отрицательно, а некоторые – хотя зачастую нелогично – игнорируются вовсе.

Близко к мемуарам Вановича стоят воспоминания профессора Карлова Университета, известного чешского русиста и балтиста Радегаста Паролека (Parolek 2013): гиперболизация лица мемуариста,

который является центром всего, метод портретов видных лиц, изложение которых зависит от отношения к мемуаристу. О некоторых автор пишет много, о других меньше, третьих – полностью игнорирует, хотя известно, что с ними сравнительно много часто общался. Причиной этому может быть и нежелание писать о них отрицательно. Правда и ложь мемуаров вполне субъективны, они зависят от четко выраженной позиции рассказчика. Некоторые пассажи вызывают улыбку или выглядят смешно – прелесть нежелаемого.

Совсем иными кажутся мемуары с продолжением другого профессора Карлова Университета Милана Гралы, известного специалиста по русской советской литературе, в особенности сатире, и транслатологии (Hřala 2010, 2014, 2007). Концепция его воспоминаний исходит из мозаики историй, маленьких глав или разделов, зачастую анекдотического характера. Его мемуары относятся к исключительным по своей форме и содержанию: они характеризуются смелостью, способностью соблюдать неизбежное расстояние, ясность, но не агрессивность оценок и, главным образом, мемуарист не принимает себя слишком всерьез, его ирония зачастую дополняется самоиронией. Он сам стоит позади, не является центром внимания, его повествователь присутствует естественно, имплицитно, почти незаметно – это стратегия настоящего мастера.

Иногда мемуарист, хотя и пишет прежде всего о себе и о своей судьбе, но одновременно выступает как представитель своей нации или – по крайней мере – его части. Таким образом написал свои мемуары профессор Университета им. Масарика, чешский славист и балканист Иван Доровски (Dorovský 2014). Его мемуары – как это бывает в интеллектуальных мемуарах – являются и особой концепцией научной специальности, чешско-македонских отношений и оценкой исторических событий.

Говоря о нарративных стратегиях современных мемуаров, следует заметить, что сравнительно частой формой являются разговоры, т. е. мемуары образуются как цепь интервью. Речь идет, следовательно, о диалоге, что иногда скрывает тот факт, что настоящим автором или соавтором был собеседник, включенный в устный рассказ мемуариста (Volný 2014). В некоторых случаях трудно отличить и идентифицировать голос мемуариста и его собеседника или же редактора, в других текстах, как раз наоборот, речь идет

о насыщенном, живом диалоге, в котором оба собеседника образуют текстовое целое (Život mimo kategorie 2015).

Собеседник выступает как особый соавтор мемуаров, как тот, кто формирует их посредством провокационных вопросов свидетеля-современника, как, например, диалог Яна Штрассера (1945) с Яном Бузашим (1935), или Тины Чорней с Корнелом Фелдвари (1932-2015) (Štrasser 2013, Čorná 2014).

Особым типом мемуаров являются политические воспоминания о разных периодах истории: авторами являются видные деятели политики и культуры или их родственники. Среди них специфическое место занимают мемуары чешского драматурга и политика Милана Угде. Его стратегия состоит в системной самокритике, т. е. он сам показывает себя не как смелого диссидента, а скорее как человека, который все время боялся, был сдержанным, осторожным, компромиссным и многое таким образом проиграл. Разумеется, что это не вполне так, скорее это стилизация и нарративная стратегия, о чём замечает и чешская критика (Uhde 2013).

Другие мемуары функционируют как свидетельство об обществе до ноября 1989 года, как, например, воспоминания редактора Яна Петранка (Petránek 2014), тональность которых скорее примирительная к врагам и оппонентам, или горькие, замкнутые, интровертные воспоминания Анны Блажичковой (Blažíčková 2012), муж которой работал научным сотрудником-литературоведом в бывшей Чехословацкой Академии наук. Автор следующих мемуаров (Štěpán – Nolec 2013), один из наиболее высоко стоящих коммунистов Чехословакии перед ноябрьским переворотом 1989 г., Мирослав Штепан в сотрудничестве с редактором написал, когда уже знал, что скоро умрет, свое свидетельство о ключевых эпизодах так называемой бархатной революции – его мемуары, следовательно, представляют своего рода защиту его собственных взглядов и его роли в упомянутых событиях.

С точки зрения позиции рассказчика и его жизненного опыта специфическими оказываются мемуары мигрантов, в том числе чехов, предки которых переселились в Россию или на Украину. Обычно это что-то вроде семейной саги или изложения маленькой истории, виденной одновременно изнутри и извне (Andrš 2015). Так как речь идет об истории Российской Империи, не только о той

территории Украины, которая была составной частью Российской Империи, их значение и особые взгляды затрагивают историю Европы и чешской нации.

Наиболее интересным типом „завуалированных мемуаров“ являются исповеди писателей, которые пишут о своем искусстве и одновременно обнаруживают свою жизнь и взгляды, отличаясь лишь степенью интеграции жизненных историй и деталей или детальностью описания писательского ремесла и, таким образом, интенсивностью метатекстуальности (Haugová 2014, Šikulová 2014).

Следует лишь подытожить, что именно форма современных мемуаров, их гетерогенность, поливариантность, многожанровость приводят, наконец, к формированию отношений правды и лжи в мемуарах. Метатекстовый или скрытый характер субъективности – в оппозиции к некоторым более или менее классическим мемуарам, о которых и шла речь здесь, – все это еще больше усложняет выражение собственного взгляда на вопрос о реальной и художественной правде и лжи. Постмодернистское понимание виртуальности и неуверенности, амбивалентности правды и лжи сказывается именно в современных мемуарах, связь которых с постмодернизмом лишь периферийная, – это скорее давление современного мира как рационально необъяснимого и вообще непонятого в смысле познания принципов его строения, функционирования, что также связано с вопросом об очевидной и скрытой власти. В таком мире человек чувствует себя одиноким и потерянним.

ЛИТЕРАТУРА:

- Bagin Albín: *Pokus o charakteristiku memoárovej literatúry, Slovenská literatúra* 1977, č. 2, s. 170-179.
- Andrš Bohuslav: *Česká Alexandrovka. Vzpomínky na život české vystěhovalecké komunity na Rusi*. Praha 2015.
- Blažičková Anna: *Ted' něco ze života*. Praha 2012.
- Černý Václav: *Paměti (I). 1921–1938*. Brno 1994.
- Černý Václav: *Paměti (II). Křik Koruny české: 1938-1945. Náš kulturní odboj za války*. Brno 1992
- Černý Václav: *Paměti (III): 1945-1972*. Brno 1992.
- Čorná Tina: *Kornel Földvári*. Bratislava 2014.

- Haugová Míla: *Písať ako dýchať (Sieť vody s tisícimi vchodmi)*. Bratislava 2014.
- Hošťálek Antonín: *Deník čtenáře 2014-2015*. Brno 2015.
- Dorovský Ivan: *S domovem v srdci*. Brno 2014.
- Hrala Milan: *Ruská moderní literatura 1890-2000*. Praha 2007.
- Hrala Milan: *Všecko bylo/ bude trochu jinak*. Ústí nad Orlicí 2010.
- Hrala Milan: *Všecko bylo trochu jinak*. Dodatky. Ústí nad Orlicí 2014.
- Jeřábek Čestmír: *V paměti a v srdci. Životní vzpomínky*. Brno 1961.
- Jeřábek Čestmír: *V zajetí stalinismu. Z deníků 1948-1958*. Brno 2000, 2008.
- Кардин Эмиль Владимирович: *Сегодня о вчерашнем. Мемуары и современность*. Москва 1961.
- Kopecký Milan: „Kronika“ a „historie“ jako literární žánry epochy renesance, „Sborník prací filozofické fakulty brněnské univerzity“, D 27, roč. 1980, s. 51-60.
- Kusý Ivan: *Memoáre ako svedectvo rozhrania. Slovenská literatúra* 1979, č. 3, s. 217-238.
- Kusý Ivan: *Memoáre ako žáner. Slovenská literatúra* 1972, č. 4, s. 402-404.
- Parolek Radegast: *Kruté i krásné dvacáté století. Memoárová mozaika v pěti dílech*. Praha 2013.
- Petránek Jan: *Na co jsem si ještě vzpomněl. Privátní encefalograf našeho tak málo lidského XX. století*. Praha 2014.
- Pospíšil Ivo: *Když se nevyčásí aneb Stmívání*. Brno 2015.
- Pospíšil Ivo: *Souvislosti dnešní české a slovenské prózy a jedna provokativní marginálie (Vino z hroznů Ladislava Štáidla)*, в: *K poetologickým a axiologickým aspektom slovenskej literatúry po roku 1989*. Prešov 2006, c. 237-250.
- Štěpán–Petr Holec Miroslav: *Můj život v sametu aneb Zrada přichází z Kremľu*. Praha 2013.
- Štrasser Ján: *Byť svoj. Rozhovory s Jánom Buzássym*. Bratislava 2013.
- The Writing of History. Literary Form and Historical Understanding*. Edited by Robert H. Canary and Henry Kozicki, The University of Wisconsin Press 1978.
- Trzynadłowski Jan: *Struktura relacji pamiętnikarskiej*, w: *Księga pamiętkowa ku czci Stanisława Pigonia*. Kraków 1961, s. 577-583.
- Třeštlík Dušan: *Kosmova kronika. Studie k počátkům českého dějepisectví a politického myšlení*. Praha 1968.
- Uhde Milan: *Rozpomínky. Co na sebe vím*. Praha – Brno 2013.
- Válek Vlastimil: *K specifčnosti memoárové literatúry*. Brno 1984.
- Vanovič Július: *Zápisky z mŕtveho času/ Antimemoáre*. Bratislava 2014.
- Volný Sláva: *Od totality k demokracii anebo Jak jsem se dočkal listopadové revoluce. Rozhovory s Richardem Seemannem během let 2012-2013*. Praha 2014.
- Vondráčková Jaroslava: *Mrazilo – tálo (O Jiřím Weilovi)*. Praha 2014.
- Život mimo kategorie. Rozhovor Jana Nováka s Johnem Bokem*. Praha – Litomyšl 2015.